SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф.Ф.Павленковым (1839-1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют ценность и по сей день. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы – профессия.

- Е. Орлов
  - ○
  - ○ Глава I
  - ○ Глава II
  - ○ Источники
- notes
  - ○ 1

Е. Орлов
Александр Македонский
Его жизнь и военная деятельность
Биографический очерк

Портрет Александра Македонского

Глава I

Фигура Александра. – Родители и воспитатели. – Духовные и физические особенности. – Разногласия с отцом. – Восшествие на престол. – Первые шаги. – Усмирение Греции и поход за Дунай. – Второе восстание Греции. – Встреча с Диогеном. – Миссия Александра. – Состояние Персии и Дарий Кодоман. – Выступление Александра в поход. – Его силы. – Посещение Трои. – Битва при Гранике. – Подчинение Малой Азии. – Взятие Милета. – Дальнейшие движения. – Падение Галикарнасса и рассечение гордиева узла. – Подчинение малоазиатских сатрапов. – Болезнь Александра и его великодушие. – Дарий при Иссе. – Сражение при Иссе. – Падение Дамаска и судьба военнопленных. – Александр в Финикии и первое письмо Дария. – Штурм Тира. – Второе письмо Дария. – Подчинение Палестины и взятие Гацы. – Поход в Египет. – Празднества и основание Александрии. – Поворот в карьере Александра

Романтическая фигура Александра Македонского представляет едва ли не высший тип завоевателя, какой когда-либо видела история. В противоположность Ганнибалу, Цезарю, Фридриху Великому и даже Наполеону, Александр был истый, если можно так выразиться, художник своего дела, у которого конечный момент, даже практический результат отступали на задний план перед внутренним импульсом творчества. Не ища ничего, не руководствуясь никакими соображениями материального или идеального характера, он во все продолжение своей карьеры не знал иного мотива к деятельности, креме безмерной жажды завоевания, и не видел удовлетворения нигде, кроме как в самом завоевательном процессе, в самом упражнении своих способностей. Оттого было бы некстати сравнивать его с гением разрушения, как это принято иногда делать: уничтожать так же мало входило в его расчеты, как и строить; он просто отдавался войне, как поэт отдается своему созданию, – всецело и беззаветно, не внося никаких сознательных тенденций и повинуясь исключительно инстинкту своей натуры. Увлекаться им в конце XIX века было бы, конечно, невозможно: дело ведь в последнем счете сводится не к чему иному, как к ужасной охоте на людей; но те глубокие следы, которые его личность и деятельность оставили в умах и жизни человечества, дают ему право на наше внимание, несмотря на все зло, причиненное миру.

Александр принадлежал к героическому роду, восходившему к Гераклу, с одной стороны, и к Эаку, судье Аида и деду Ахилла, –

с другой. Его отец был Филипп, царь Македонский, который силою оружия столько же, сколько и дипломатией, сумел в короткое время сделаться господином всего эллинского мира. Его мать была Олимпиада, дочь эпирского царя, натура огненная и полудикая, с особенною страстностью предававшаяся таинственным учениям Дионисия и Деметры. Никто бешенее ее не носился в вакхическом исступлении по горам и долинам, никто безумнее ее не размахивал зажженным факелом и священными змеями и никто с таким неукротимым пылом не отдавался ночным оргиям, заставляя говорить о себе весь север Греции. Филипп встретился с нею на Самофракийских таинствах и, прельщенный ее красотою, женился на ней в 357 году до н. э. Спустя год, в бурную октябрьскую ночь, когда в Эфесе пылал знаменитый храм Дианы, зажженный кощунственной рукою Герострата, родился Александр, и Филипп, только что взявший Потидею, получил известие об этом одновременно с известием о великой победе, одержанной его полководцем Парменионом над иллирийцами, и о присуждении приза его лошади на олимпийских состязаниях. Появление на свет Александра сопровождалось, таким образом, рядом знаменательных событий. Недаром, говорят, Олимпиада впоследствии утверждала, что в ночь перед свадьбою ей снилось, будто молния ударила ей в чрево и зажгла огонь, быстро распространившийся во все стороны: младенцу предстояло покорить мир, и сам Зевс-громовержец давал этому знамение!

Филипп, в бытность свою в юности заложником в Фивах, испил из золотой чаши греческой культуры, и теперь, занятый мечтою объединить Грецию под своей властью и стать носителем ее назначений, решил дать своему сыну эллинское образование. Он удалил его в небольшой город Миезу и отдал на попечение Леонида из Эпира, родственника царицы, и Лизимаха из Акарнании, ученого, хотя и не особенно талантливого, ритора. Под их руководством Александр быстро изучил предметы тогдашнего образования и в 10 лет удивлял прибывших к Филиппу в качестве послов Демосфена и Эсхина знаниями по литературе и изящною декламацией монологов из греческих драм. Но еще шире развились его способности, когда, по достижении 13-летнего возраста, он поступил под руководство Аристотеля, величайшего мыслителя древности. Аристотель, как известно, был сын Никомаха, семейного врача и друга Филиппа, и последний, говорят, еще в 356 году до н. э. писал стагирийскому философу письмо, в котором извещал о рождении сына и изъявлял свою радость по поводу того, что это случилось в его, Аристотеля, жизнь. Это предание ныне дискредитируется, но

совпадение, на которое оно указывает, было несомненно делом большого счастья. Мощный ум завоевателя мира пришел в соприкосновение с мощным умом “завоевателя мысли”, и результаты были таковы, что впоследствии Александр сам говаривал, что если отцу он обязан жизнью, то Аристотелю он обязан еще большим – *осмысленною* жизнью. Он проводит три года в занятиях высшими науками и приобретает такое уважение к знанию и просвещению, что, много лет спустя, среди жестокостей войны, его меч постоянно опускался перед созданием мысли и ее творцом. Он получает необычайную любовь к поэзии, и позднее, заброшенный в пустынный угол Азии, выписывает из Македонии кипу книг – драмы Эсхила, Софокла и др. Он особенно привязывается к “Илиаде”, воспевающей подвиги его предка Ахилла: носит экземпляр ее с собою повсюду во все экспедиции и кладет его на ночь вместе с оружием под подушку. Он изучает риторику, политику и вообще государственные науки и выносит из них тот своеобразный космополитизм, который старается провести в жизнь в последние свои годы. Словом, все те гуманитарные симпатии, которые он обнаружил в течение своей карьеры, он носит зародышами уже в отроческой своей душе, и нет сомнения, что они были вложены ему его гениальным учителем.

Параллельно развивались и другие стороны его натуры. Сильный и бесстрашный от природы, унаследовав от матери ее пылкий и энергичный характер, а от отца – его настойчивость и выдержку, он беспрерывными упражнениями довел свой организм до высшей степени выносливости и ловкости. Он с редким умением переносил голод, холод и усталость, метал копье и скакал верхом лучше всех своих сверстников и любил идти навстречу риску и опасностям. Однажды к Филиппу, страстному любителю лошадей, привели кровного фессалийского скакуна Буцефала. Царь пришел в восторг от его грации и силы, но когда стали пробовать его бег, то оказалось, что он решительно не поддается узде и никому не позволяет на себя сесть. Лучшие конюхи и жокеи ничего не могли поделать с ним, и раздосадованный царь приказал уже было увести его, когда наблюдавший всю сцену молодой Александр выступил вперед и попросил позволения попытать счастье. Придворные рассмеялись, но царевич продолжал настаивать, и Филипп уступил. Заметив, что Буцефал боится своей собственной тени, Александр повернул его лицом к солнцу и, успокоив ласками, легко вскочил ему на спину. Строптивый конь начал было свои прежние маневры, но Александр сидел, словно приросший, и потихоньку пустил его рысью. Мало-помалу рысь перешла в галоп, а потом в карьер, и

Александр, обскакав несколько раз двор, подвел к Филиппу усмиренного коня. Все рассыпались в похвалах, и царь, обнимая сына, со слезами на глазах проговорил: “Ищи себе другого царства, сын мой: Македония для тебя мала”.

И, нужно признаться, мальчик вполне соглашался с ним. С раннего возраста он обнаруживал крайнее честолюбие и самоуверенность, отчасти унаследованные от матери, отчасти же благоприобретенные в атмосфере лести и поклонения. Спрошенный однажды, не примет ли он участия в состязаниях в беге на Олимпийских играх, он ответил, что да, но лишь в том случае, когда соперниками его будут цари. Всякий раз, когда гонцы привозили известие о новой победе Филиппа, он впадал в раздражительность и меланхолию, говоря, что отец покоряет и покоряет, пока ему, Александру, не останется ничего, что покорять. К счастью для репутации нашего героя, за этими выходками скрывался блестящий гений. Семнадцати лет он уже отличался при взятии города Перинта и тогда же был назначен регентом на время отсутствия Филиппа в Херсонесе. Он повел тогда свою первую армию против одного из соседних племен, основал свой первый город во Фракии и принял впервые иностранное посольство. Последнее прибыло от персидского царя, и Александр сыграл свою роль с таким достоинством и тактом, что окружающие были поражены. Сами послы не знали, что думать, когда, вместо обычных банальностей, он стал подробно расспрашивать их о маршрутах и путях сообщения Персии, о ее силах, политическом устройстве и пр. Они на все отвечали с охотою, не предчувствуя, что этот красивый юноша думает крепкую думу и через пять-шесть лет воспользуется сообщенными сведениями, чтобы разбить их монархию.

В 338 году до н. э. он участвовал в Херонейской битве, отдавшей Филиппу всю Грецию. Александр командовал одним из крыльев, и его бешеный натиск на священный отряд фивян решил исход дневного сражения. За это льстивые царедворцы провозгласили его виновником победы, и с этих пор замечается в отношениях между ним и отцом значительное охлаждение. В 337 году до н. э. дело дошло до разрыва. Филипп, только что провозглашенный на пан-эллинском съезде главнокомандующим греко-македонских сил для войны с Персией, вздумал развестись с Олимпиадой и жениться на молодой Клеопатре, дочери одного из его полководцев Аттала. Предлогом была выставлена супружеская неверность первой, и на свадебном пиру новый тесть царя осмелился провозгласить тост за молодых с пожеланием Филиппу иметь поскорее законного наследника. Присутствовавший при этом Александр вспыхнул и, схватив со

стола тяжелый кубок, бросил им в лицо Атталу, крикнув: “Так ты меня считаешь бастардом?” Моментально все пришло в смятение, и полупьяный Филипп, вскочив на ноги, бросился с мечом на сына; к счастью, он споткнулся и грузно упал, и Александр, презрительно заметив, что человек, мечтающий переправиться в Азию, должен был бы уметь, по крайней мере, свободно перейти с одного места на другое, – вышел из комнаты и вслед за тем уехал с матерью в Эпир, а оттуда сам в Иллирию.

Ссора продолжалась недолго, но вскоре едва не возобновилась опять по вине Олимпиады. Филипп, желая заручиться ценным союзником для войны с Персией, решил женить своего побочного сына Аридия на дочери Пиксодара, сатрапа Лидии и Писидии; но Олимпиада, узрев в этом какую-то опасность для Александра, подговорила последнего самому послать сватов и забрать невесту себе. Царь, узнав об этом, страшно разгневался и, прервав переговоры, сурово наказал всех сообщников дела. Но сам Александр был пощажен: Филипп боялся мести по стороны Олимпиады и ее брата Неоптолема, царя Эпира, который мог в его отсутствие в Азии причинить Македонии немало хлопот. Он даже показал вид, что не придает инциденту никакого значения, и предложил Неоптолему жениться на его дочери; но проницательную и мстительную Олимпиаду не так легко было обмануть и умиротворить. Как раз в это время новая царица родила сына, и разъяренная эпиротянка решила заплатить вероломному македонянину за все нанесенные ей оскорбления. Она вошла в соглашение с молодым пажом Павзанием, и в одно сентябрьское утро 336 года до н. э. заговор был приведен в исполнение: когда на празднествах в Эгеях, древней столице Македонии, Филипп во главе пышной процессии входил в театр, рука убийцы всадила ему кинжал в бок, и царь упал мертвым. Немедленно все скрылись по домам, а Александр, извещенный о случившемся, обошел армию и был провозглашен царем.

Так неожиданно взошел на престол молодой 20-летний юноша, будущий властитель всего известного тогда мира. Как подобает сыну, чтущему память отца, он похоронил прах убитого с надлежащею торжественностью и казнил всех замешанных в заговоре, кроме одного, который первый дал ему знать о катастрофе. По обычаю тех времен, он позаботился устранить всех, кто мог ему быть опасен: Аттала, действовавшего тогда против персов, Аминта, сына Пердикки, отстраненного Филиппом от престола, новорожденного сына Клеопатры и, наконец, саму Клеопатру. Последние двое, впрочем, были убиты, говорят, Олимпиадою в отсутствие сына, и Александр долгое время

выражал свое сожаление по поводу этих ненужных жертв.

Первое дело, на которое был призван молодой монарх, было усмирение Греции. Как только разнеслась весть о смерти Филиппа, главные государства ее пришли в движение, приветствуя поступок Павзания как акт великого гражданина, избавившего человечество от тирана. В своей восторженной речи по этому поводу знаменитый Демосфен поздравлял сограждан с зарею новой свободы, требовал немедленного изгнания македонских гарнизонов и презрительно отзывался о новом царе как о мальчишке, с которым и считаться было бы смешно. Но патриот жестоко ошибся: прежде чем что-либо могло толком сорганизоваться, на сцену явился Александр и с сильным, хотя и малочисленным, войском беспрепятственно прошел к самому Истму. “Под стенами Афин, – сказал он, – я покажу Демосфену, что я не мальчишка!” К счастью, до исполнения угрозы дело не дошло: Греция была застигнута врасплох, и послы от различных государств поспешили с изъявлениями покорности. В Коринфе собрались представители всех держав, кроме гордой Спарты, и за Александром были утверждены все почести, какими пользовался его отец, в том числе и гегемония для борьбы с персами.

Раннею весною 335 года до н. э. торжествующий царь воротился домой и деятельно занялся усмирением фракийцев, иллирийцев и других племен, угрожавших его северным границам. Он перешел реку Несос и в десять дней проник к Балканам, где его ждал неприятель. Узнав, что он занял единственную в той местности горную тропу, окружив себя тяжелыми телегами, в намерении скатить их на македонян при первом их появлении, Александр приказал своим солдатам разомкнуть ряды и упасть, по данному сигналу, ничком, дабы пропустить катящиеся телеги над собою, по расставленным щитам. Маневр удался, и плохо вооруженные орды были рассеяны. Александр прошел тогда Балканы и, переправившись через Дунай, разгромил тамошних гетов и их селения. Этого было достаточно: со всех сторон прибыли посольства с богатыми дарами в знак мира, и победитель мог вернуться обратно. Он прошел страну агрионов и пеонов и принялся за усмирение Иллирии, когда получил известие о вторичном восстании Греции. В стране разнесся ложный слух о смерти Александра во Фракии, и Фивы, которые терпели больше всех, благодаря присутствию македонского гарнизона в их цитадели Кадмее, решили поднять знамя мятежа. Остальные государства обещали им свою помощь, но решили повременить, пока слухи подтвердятся. Их политика была благоразумна: не успели Фивы разделаться с гарнизоном, как Александр уже был в Беотии, пройдя весь путь от Иллирии до

Фермопил в 10 – 12 дней. Впечатление было потрясающее, но фивяне решили лучше погибнуть, чем сдаваться. После отчаянного сопротивления город был взят штурмом, мужское население вырезано, 6 тысяч человек казнено и 30 тысяч продано в рабство. Стены и жилища были превращены в развалины, территория могучей некогда республики распределена между соседними общинами, и только дом великого поэта Пиндара уцелел по приказу просвещенного завоевателя. Это был страшный урок, и вся Греция была повергнута в прах. Александр даровал, однако, мир на прежних основаниях и ограничился лишь ссылкою двух незначительных ораторов из патриотической партии. Опять, как в прошлый раз, он созвал общегреческий съезд в Коринфе, на котором изложил свой план экспедиции против персов, и был вторично утвержден гегемоном Эллады. Между прочим, здесь состоялась назидательная встреча его с Диогеном Синопским, про которую нам рассказывают все учебники истории. Прибыв во главе блестящей свиты к тому месту, где знаменитый циник, ни во что не ставивший блага мира сего, лежал в бочке и грелся на солнце, Александр спросил его, не может ли он что-нибудь для него сделать. “Отстранись-ка немного от солнца”, – ответил презрительно мудрец. Повелитель Греции отступил в смущении, встретив впервые такого же гордеца, как и он сам. “Клянусь богом, – воскликнул он в непритворном восторге, – не будь я Александром, я бы хотел быть Диогеном!..” В конце 335 года до н. э. Александр вернулся на родину и всю зиму провел в приготовлениях к походу, про который он так много слыхал от отца и о котором так много мечтал. С тех пор, как полтора века тому назад полчища Ксеркса перешли Геллеспонт, Эллада не переставала мечтать о реванше, в надежде овладеть ценным восточным берегом Средиземного моря и воссоединить с собою богатых малоазийских греков, подвластных Великому Монарху. С течением времени, как это нередко бывает, идеологический момент совершенно заслонил материальный, и антагонизм к Персии стал признаваться за необходимый элемент эллинизма, а разгром ее – за национальную миссию. Естественно, что, когда Филипп захотел легитимировать свое положение в общегреческой семье, он начертал на своем знамени девиз “реванш” и стал во главе антиперсидского движения, как давно уже предлагал ему Исократ. То же теперь сделал и Александр, и, заявив себя носителем и исполнителем исторической миссии Эллады, он придал своему предприятию религиозно-культурный характер крестового похода, чем, конечно, завоевал симпатии многих патриотов.

Персидская же монархия в это время представляла внешнюю

мощь, небывалую со времени Ксеркса. На необъятном пространстве от ливийских песков до Паропамиза и от Сырдарьи до Индийского океана она вмещала многочисленные страны, населенные народностями разнообразнейших бытов, религий и культур. Тут были египтяне, греки, финикияне, армяне, персы, мидяне, вавилоняне, фракийцы, скифы, обитатели Бактрии, Гедрозии, Дрангианы, Арии, Согдианы и масса других. Это было тело огромное и пестрое, но вместе с тем лишенное того объединяющего начала, которое делает из человеческого общества компактный организм, а не механически составленный агломерат. Разбитая на множество отдельных, почти самостоятельных сатрапий, не соединенных ни историческими традициями, ни общим национальным чувством, Персия держалась в целости лишь благодаря инертности, столь свойственной дикому Востоку, ее частей и сравнительно легкому правительственному режиму, оставлявшему в большинстве случаев неприкосновенными местные нравы и обычаи. Механизм центральной власти никогда не был силен: громоздкий и медленно двигавшийся, он, несмотря на внешний абсолютизм царей, предоставлял значительную свободу наместникам и даже населению провинций; но связь между последними слабела еще и оттого, что на престоле нередко восседали неспособные люди, более преданные созерцанию своего могущества, нежели консолидации его. Дарий Кодоман, теперешний владыка Персии, и был именно таков: посаженный на престол евнухом Боагасом, отравившим двух его предшественников, он был игрушкою своих жен и собственного тщеславия и, проводя дни среди своих сокровищ, не хотел ни о чем слышать, ничего видеть. Только тогда, когда Филипповы полководцы Аттал и Парменион стали действовать в Малой Азии, решился он принять кое-какие меры и поручил двум родосцам, Ментору и Мемнону, организацию обороны. Смерть врага на время прервала приготовления, но весть о готовящемся нашествии Александра вновь вывела Дария из его апатии и заставила его нехотя возобновить операции.

Александр выступил в поход весною 334 года до н. э., имея с собою лишь 70 талантов (талант – около 2400 руб.) деньгами, 30 тысяч пехоты и четыре с половиной – конницы. С такими незначительными средствами мечтать покорить мир казалось смешным, но Александр не совсем ошибался, когда говорил друзьям, что ему, кроме надежд, ничего не надо; за ним стоял его гений и удивительная организация армии. Ядро ее составляла знаменитая фаланга, введенная и сформированная Филиппом по идее Эпаминоида. Она являлась результатом всего накопленного опыта греческого тактического искусства и представляла

величайшую боевую силу древности вплоть до появления на сцене римских когорт. Ее единицей было каре из 256 человек, расположенных в 16 линий по 16 человек вглубь, в интервалах три фута друг от друга. Одетые в панцири и наколенники, с коротким мечом сбоку и небольшим круглым щитом на левом локте, фалангеры держали обеими руками длинную пику в 21 фут, утолщенную на одном конце так, чтобы центр тяжести ее лежал на расстоянии 15 футов от острия. Первые пять человек линии держали ее наперевес так, чтобы острия пик выходили за фронт на 15, 12, 9, 6 и 3 фута соответственно, в то время как остальные 11 человек клали ее на плечи стоящих впереди них. В результате получалась живая, хотя и не совсем подвижная стена, неприступная в обороне и страшная в натиске. Единственно, что могло ее опрокинуть, это нападение с фланга, но с этой стороны ее защищали всегда конница и легкая пехота, вооруженная дротиками и длинными мечами.

Двигаясь форсированными маршами, Александр в двадцать дней достиг Геллеспонта и при помощи флота в 160 трирем переправил войска на противоположный берег, в Абидос. Тем временем, движимый историческими воспоминаниями и желая провозгласить культурно-национальное значение похода, он сам съездил к развалинам Трои, посетил гробницы Ахилла и Приама и, дав ряд военных и музыкальных игр, вернулся назад к армии, которая готовилась уже к первому бою с персами. Последние, совершив крупную ошибку тем, что дали врагу беспрепятственно перейти Геллеспонт, стояли в числе 20 тысяч пехоты и столько же конницы близ города Зелеи, сгорая нетерпением померяться с Александром силою. По плану Мемнона, Персия должна была строго придерживаться оборонительной тактики в Азии и наступательной, при помощи первоклассного флота, в Европе: опасаясь за свои македонские и греческие владения и не имея возможности прокормить армию в опустошаемых местностях, Александр был бы вынужден вернуться и отложить свое предприятие на определенное время. Но такой план казался Дарию слишком оскорбительным, и малоазийские сатрапы получили приказ встретить врага в поле. Сражение произошло в мае 334 года на берегах речки Граники. Не внимая совету своих полководцев, Александр приказал наступать и сам во главе конницы первый бросился в реку. По илистому дну, под градом стрел, с быстрым течением поперек себя, он пробрался к противоположному берегу и завязал бой по всей линии. Схватка была жаркая. Александр в своем шлеме с белыми перьями мчался по полю битвы, воодушевляя солдат и сам сражаясь как лев. Повсюду, где он врезался, падали убитые, пока, наконец, ему не

удалось пробиться к зятю Дария Митридату. Одним ударом копья он свалил его с лошади и затем бросился на его брата Резацеса, мчавшегося на него с поднятым мечом. Сильным взмахом Резацес разбивает ему шлем, но сейчас же падает мертвым от руки Александра, на которого теперь сзади бросается с секирою сатрап Спифридат. Последний заносит уже руку над головою Александра: еще момент – и наш герой лежал бы с рассеченным черепом; но его друг Клит успел подбежать и одним ударом меча отделил занесенную руку перса от туловища. Сражение было выиграно: весь цвет персидской армии лег на поле битвы, и лишь немногие успели спастись. Македоняне же потеряли не больше сотни, и им Александр велел воздвигнуть памятники, а их родственников освободить от государственных платежей на вечные времена. Он отослал в Афины 300 персидских доспехов в знак национального значения победы и приказал на них начертать надпись: “Отнято у варваров Александром, сыном Филиппа, в союзе с греками, исключая лакедемонян”. Он взял в плен 2 тысячи греческих наемников и как изменников общеэллинскому делу отправил в цепях в македонские рудники.

Значение битвы было огромно: вся Малая Азия лежала у его ног. В самое короткое время он без боя овладел Фригией, Лидией и Эфесом и встретил сопротивление лишь у Милета. Рассчитывая на помощь крейсировавшего неподалеку персидского флота, комендант Милета заперся и не захотел сдаться, но Александр провел свою флотилию в портовую бухту раньше персов и взял город приступом. Население было страшно наказано, но сам город уцелел и был объявлен свободным. Александр после этого беспрепятственно пошел на юг, овладел после страшных усилий Галикарнассом, забрал без боя Памфилу и Писидию и в марте 333 года до н. э. очутился во Фригии, где располагается отдыхать после утомительной кампании. Здесь, в городе Гордий, произошел известный инцидент с узлом. Первыми царями этого города были два крестьянина Гордий и Мидас, в память о которых сохранялась в цитадели города их телега. Дышло и остов ее были соединены лыком, но узел был такой хитрый, что, сколько ни бились над ним в течение веков, ни одному не удалось его развязать. Меж тем предание гласило, что тот, кто сумеет это сделать, будет властелином Азии. Александр, конечно, не замедлил испробовать свое искусство: при огромном стечении народа он принялся за узел, но все его старания были бесплодны. Раздосадованный и не желая предоставить другому оправдать предсказание, он вынул тогда меч и разрубил узел. Оказалось, что это и было искомое разрешение; по крайней мере, так уверяли местные пророки, судившие по пронесшейся тою же

ночью грозе с громом и молнией.

Александр выступил из Гордия в мае месяце и, подкрепленный свежими контингентами из Греции, быстро овладел Пафлагонией и Каппадокией, прошел беспрепятственно Киликийское ущелье и забрал первоклассную сирийскую крепость Таре. Здесь его победоносное шествие внезапно прерывается: от переутомления или от простуды, схваченной при купанье в студеной воде, он заболевает горячкой и едва не умирает, оставленный всеми врачами, опасавшимися, как бы в случае неуспешного лечения не поплатиться головою. Его спас врач из Акарнании Филипп, дав ему энергическое потогонное. Рассказывают, что, доверившись Филиппу, он в тот момент, как врач вышел в другую комнату готовить питье, получает от Пармениона письмо, в котором верный полководец извещает, что Филипп подкуплен Дарием и готовится его отравить. Александр смолчал и, когда Филипп вернулся, принял от него микстуру, подав ему одновременно полученное письмо. Врач стал читать, дрожа всем телом; Александр же, пристально глядя ему в лицо, молчаливо и медленно опорожнил чашу. Его доверие оказалось не напрасным: после временного кризиса он стал выздоравливать и наконец встал с ложа при ликовании солдат и своего верного врача.

Тем временем Дарий собрал свое войско для генерального сражения. В Месопотамии у него набралось более 600 тысяч человек разных племен, языков, одежд и оружия. Тут были персы, дербики, армяне, курды, иркане, бактрийцы и поджидались еще подкрепления из других местностей. Зрелище было импозантное и живописное, и царедворцы наперерыв рассыпались в гимнах царю, восхваляя его мудрость и непобедимость. Один лишь Харидем, – по-видимому, один из тех двух афинских ораторов, которые должны были покинуть Грецию после второго ее восстания, – уныло качал головою, выражая сомнение относительно годности этой пестрой и беспорядочной толпы: на вопрос Дария он откровенно сказал, что вместо этих полудиких орд, которые разбегутся при первой же встрече с врагом, царю следовало не жалеть своих сокровищ и нанять побольше греков. Со всех сторон раздался крик негодования, и ужаленный в своем восточном самомнении Дарий собственноручно схватил его за пояс и передал палачам. Увы, события вскоре показали, что афинянин был прав и что суровая расправа с говорящим истину столь же мало меняет дело, как наказание розгами Геллеспонта.

Стоя на прекрасной равнинной местности, где его конница могла иметь полный простор развернуться, Дарий, не получая, по случаю болезни Александра, никаких сведений о нем, решил, что

неприятель боится его и избегает с ним встречи. И вот, уведомленный, что он в Киликии, Дарий направляется к нему и во главе своих масс, со всей своей гвардией, пехотою и конницею, со своей матерью, женою и детьми, 360 наложницами, золотом и серебром, нагруженными на 600 мулов и 300 верблюдов, со всей, словом, пышностью восточного владыки переваливает через Аманский хребет и останавливается у города Иссы. Здесь, в ноябре 333 года до н. э., и происходит знаменитая битва, отдавшая Александру всю Переднюю Азию. Обе армии были отделены речкою Пинар, и персы, заключенные в узкий проход – едва в 10 стадий (стадия – около 80 саженей) – между горным хребтом с востока и Исским заливом с запада, были поставлены в крайне невыгодное положение, не имея возможности развернуть свои силы. Боевая линия их состояла из 90 тысяч человек; вся же остальная громада принуждена была стоять позади в хаотической массе, скученная, бездействующая и запертая, как в мышеловке. Но Дарий не отчаивался: в великолепном одеянии из златотканого пурпура, с наброшенною на плечи мантией, устланной драгоценными камнями, с поясом из золотых колец и в высокой тиаре с повязкою, он сидел позади центра боевой линии на колеснице из золота и слоновой кости, окруженный 10 тысячами “бессмертных”, и готовился смотреть, как побеждают его войска, как исчезает вражеский туман перед лучами персидского солнца. Но одного удара Александра в левое крыло было достаточно, чтобы опрокинуть все его надежды: оно дрогнуло и побежало, и Дарий, увидев себя открытым фланговому движению, потерял голову, велел повернуть свою колесницу и бросился стремглав с поля, растеряв свой лук, щит и мантию. Это было сигналом для всеобщего бегства: в панике, усугубленной недостатком места, огромные орды мчались, словно загнанные звери, убивая и затаптывая друг друга. Бойня была ужасная: 100 тысяч пехоты и 10 тысяч конницы легло на месте и столько же пленных досталось в руки победителей. Добыча была огромная – 3 тысячи талантов и весь лагерь, с матерью, женою, сестрой, двумя дочерьми и малолетним сыном царя, равно как и весь бесчисленный их штат рабов и рабынь. Сам Александр не ожидал ничего подобного: осматривая всю эту роскошь, видя все великолепие царской палатки с ее мебелью, коврами, картинами и целым арсеналом туалетных принадлежностей, он мог только воскликнуть в простодушном изумлении: “Так это значит быть царем?” Одновременно же сдался и Дамаск, куда Дарий еще до сражения отправил значительную часть обоза, и найденная здесь добыча была еще колоссальнее. Пленных попало столько, что не было ни одной

знатной персидской семьи, которой бы не пришлось оплакивать кого-нибудь из своих членов. Между прочим, Александр находит здесь Ификрата, сына знаменитого афинского полководца, и фиванца Дионисодора: последнего он отпускает на свободу во имя того, что он некогда был победителем на Олимпийских играх, а первого он обласкал и пригласил к себе на службу. Столь же приветливо он обошелся с пленным семейством Дария: хорошо понимая его значение, как заложников, он окружил его царской пышностью и из всего, что ему принадлежало, взял себе лишь шкатулку, в которой персидский монарх хранил свои притирания. “Для Гомера”, – скромно добавил просвещенный победитель.

Александр мог теперь проникнуть в самое сердце персидской монархии, не рискуя встретить сопротивление; но, согласно плану, составленному после взятия Милета, он решил предварительно овладеть западом, чтоб обезопасить себя с тылу и достать флот. Немедленно поэтому после сражения при Иссе он отправляется в Финикию и овладевает рядом городов, в том числе и славным в истории и у Гомера Сидоном. Здесь, между прочим, он получает письмо от Дария, в котором несчастный царь, указав на то, что Александр первый начал – и то без всякого повода – враждебные действия, просит у него его дружбы и союза, а также возвращения своего семейства. На это Александр ответил перечислением всех проступков персидских царей от Ксеркса до Дария включительно и приглашением прийти к нему с покорностью, как к своему владыке. Получив такой надменный ответ, Дарий приостановил переговоры и стал готовиться к последней борьбе.

В январе 332 года до н. э. Александр подступил к важнейшему по богатству и культурному развитию городу Финикии – Тиру. Потребовав позволения войти в город с целью принести в тамошнем храме жертву Гераклу, он получил отказ и немедленно принялся за осаду. Так как Тир, сильно укрепленный, был расположен на острове в расстоянии одной версты от берега, то Александр пробовал было построить мол на всем этом протяжении; но видя, что без флота это не удастся, он бросился на север Финикии, достал 200 кораблей и в несколько месяцев выстроил мол. Он подкатил тогда стенобитные орудия, свалил одну из стен и, перебросив мост, проник в город. Тиряне защищались геройски и, за исключением царя и его приближенных, спасшихся в святилище Геракла, погибли почти все: 8 тысяч было убито, 2 тысячи повешено и 30 тысяч продано в рабство. Это была чудовищная гекатомба Гераклу, и Тир, знаменитый своим пурпуром и сказаниями о Дидоне, исчезает с

летописей истории.

В это время, в начале июля, Александр получает второе письмо от Дария, в котором царь предлагает ему 10 тысяч талантов и всю территорию к западу от Евфрата в виде выкупа за свою семью. Он вновь просит у победителя его дружбы и предлагает ему свою дочь в жены. “Если бы я был Александром, – воскликнул Парменион, прочтя это письмо, – я бы, не задумавшись, принял предложение!” “И я тоже, – возразил Александр, – если бы был Парменионом”, и немедленно шлет ответ Дарию, в котором смеется над тем, что он предлагает ему часть того, что ему, Александру, принадлежит уже по праву меча. “Всеми твоими богатствами, – писал он ему грубо, – и всей территорией я уже владею и без твоих подарков и, если захочу, то возьму твою дочь, не спрашивая твоего согласия”. Он бессердечно отвергает его просьбу и советует ему лучше готовиться к решительной встрече. Дарий опять замолчал, и на этот раз окончательно. После Финикии подчинилась Палестина, после чего Александр направляется в Египет, чтоб отрезать персов от сношений с Грецией. По дороге, у самого входа в пустыню между Сирией и Египтом, он наталкивается на город Гацу, расположенный на высокой скале, и берет его штурмом после двухмесячной осады. Жители были вырезаны до единого, и комендант подвергнут позорной казни. Говорят, что Александр привязал его за кольца, продетые через ноги, к колеснице и поволок трижды вокруг городских стен, как Ахилл некогда поступил с телом Гектора. Историки, однако, отказываются верить этому преданию, так как авторитет его весьма сомнительного достоинства.

В октябре 332 года до н. э. Александр вступил в Египет и был встречен населением как избавитель. Прибыв в Мемфис, он устроил праздники греческим и египетских богам – в частности Апису, и выписал специально для этого лучших музыкантов и актеров из Греции. Он внимательно исследовал дельту Нила и, пораженный местоположением острова Фароса, прославленного еще Гомером, велел на нем и на противолежащем берегу построить город его имени. Он самолично распланировал улицы, площади и главные общественные здания и обвел чертою то место, где должны быть выстроены стены. То была знаменитая впоследствии Александрия, центр мировой торговли, науки и философии в продолжение 11 веков. Соединенный с Фаросом посредством мола с двумя цепными мостами у концов его, этот город через одно поколение стал расширяться и богатеть и остался наиболее достойным уважения памятником гению его основателя.

Закладка Александрии знаменует собою рубеж двух периодов деятельности великого полководца. Выступив на завоевание Азии под предлогом – искренним или нет, решить теперь трудно – распространения и проведения в жизнь национальных эллинских идеалов, он до сих пор довольно последовательно выполнял свою программу, освобождая малоазийских греков от персидского ига, вводя повсюду демократическое правление, празднуя память греческих героев и устраивая гимнастические и поэтические состязания. Но варварские его расправы при взятии Тира и Гацы, а особенно его ответ Дарию на второе письмо, отмечают довольно резкий поворот сознания Александра в сторону восточного деспотизма и самомнения. Он перестает отождествлять свой личный гений с коллективным гением Эллады и начинает смотреть на себя преимущественно как на владыку Азии, как на преемника Дария на престоле, завещанном силами высшими, нежели человеческие. По знойной пустыне он пробирается к оракулу Зевса Аммона, где жрецы приветствуют его сыном Зевса, и оставляет там последние остатки своих культурных традиций и идеалов.

Глава II

Возобновление кампании и сражение при Гавгамеле.– Падение Вавилона и Сузы.– Взятие Персеполя.– Погоня за Дарием и Бессом. – Смерть Дария.– Операции в Центральной Азии.– Убийство Филата и Пармениона. – Александр в Гедрозии и соседних сатрапиях.– Поход против Бесса и казнь его.– Истребление бранхидов.– Убийство Клита.– Женитьба на Роксане.– Опала Каллисфена и заговор Гермолая.– Поход в Индию.– Битва с Пором.– Возмущение солдат и возвращение Александра.– Обратное путешествие.– Прибытие в Персеполь и Сузу.– Мероприятия Александра.– Ориентализм и реформы в армии.– Недовольство солдат и возмущение в Описе. – Подготовлена к Аравийскому походу.– Смерть Гефестиона. – Возвращение Александра в Вавилон и смерть его.– Погребение его.– Александр как герой сказаний.– Роман Александра.– Личность Александра и значение его деятельности

В начале февраля 331 года до н. э. Александр, подкрепленный войсками из Фракии, воротился в Финикию и оттуда, после пышных празднеств под Тиром, направился на запад, перешел Евфрат, а затем Тигр, и очутился невдалеке от города Арбелл, где на широкой, уравненной природою и инженерным искусством долине Гавгамельской стоял Дарий с миллионною армиею. Неравенство сил было столь чудовищное и очевидное, что Парменион советовал Александру, располагавшему лишь 40 тысячами человек, напасть ночью, но тот отказался и с пылкостью гомеровского Ахилла заявил, что он не хочет красть победы. Конечно, это была лишь красивая фраза, как Александр сам впоследствии блистательно доказал при встрече с Пором; вероятно, он отлично знал слабые пункты этой беспорядочной толпы и в совершенстве рассчитал свои шансы на успех. Действительно, Дарий опять, как при Иссе, обнаружил полнейшее непонимание тактического искусства, вытянув часть своей армии в одну линию и поместив остальную массу в виде резерва позади, без системы и порядка: скученная вместе, она была осуждена на бездействие и была лишь способна на то, чтоб увеличить панику на случай отступления. Так оно впоследствии и оказалось. Отразив высланные против него колесницы, вооруженные серпами и пиками, Александр повел по методе Эпаминоида диагональную атаку на растянутое левое крыло персов и привел его в замешательство. Дарий опять увидел себя открытым со стороны и, когда в то же время македонская фаланга с диким криком ударила в его центр, он не выдержал, повернул

колесницу и опять, как при Иссе, бежал, растеряв оружие и мантию. Александр бросился за ним вдогонку и, наверное, настиг бы его, если бы не был отозван в этот момент на помощь Пармениону, командовавшему левым крылом. Он немедленно бросается туда через все огромное поле сражения, но на полдороге узнает, что Парменион управился своими собственными силами и опрокинул неприятеля. Персы были разбиты: чуть ли не 300 тысяч их легло костьми, прочие же бежали в страхе и беспорядке. Александр гнал их вплоть до полуночи, кося направо и налево: он остановился лишь тогда, когда, достигнув Арбелл, узнал, что Дария там уже нет. Несчастный монарх только проехал через город и, переменив колесницу на коня, помчался дальше, оставив лагерь с обозом и казною на произвол судьбы.

Победа была колоссальная: потеряв лишь несколько сот человек, Александр стал владыкою исполинской монархии, основанной некогда великим Киром. Немедленно сдались ему столицы Азии, Вавилон и Суза, и все население их, предводимое халдейскими жрецами, вышло ему навстречу с дарами, цветами и жертвенными животными. Казна, найденная в первой, была так велика, что он мог дать каждому солдату от 200 до 600 драхм (драхма – около 30 копеек), смотря по роду оружия, а богатства второй, говорят, доходили до 50 тысяч талантов в одних слитках. Таковы несметные сокровища Востока, свидетели алчности царей и рабства безымянных человеческих поколений! Между прочим, там найдено было множество драгоценных вещей и произведений искусства, вывезенных Ксерксом 150 лет тому назад из Греции. Среди них были бронзовые изваяния Гармодия и Аристогитона, тираноубийц и основателей афинской свободы: эти статуи Александр отослал в столицу Аттики как дар от нового царя Персии старой демократии Эллады.

В конце января 330 года до н. э. он двинулся в Персиду, зерно Дариевой монархии. По дороге он подчинил дикое и независимое племя уксов, взимавших дань даже с персидских царей всякий раз, как они проезжали эту местность, и взял хитростью неприступные Персидские ворота, где засел сатрап Персиды в надежде остановить его шествие. Персеполь, священная столица “сынов солнца”, лежал теперь беззащитный, и Александр торжественно вступил в него со всей армией. У ворот он встретил 800 греков, в разное время забранных в плен персами: изуродованные, без ушей, носов и рук, они кинулись навстречу своим соотечественникам, вопия от радости и моля о помощи. Александр заплакал при виде такого зрелища: он предложил отправить их на родину, но несчастные калеки отказались,

стыдясь показаться своим согражданам в таком ужасном виде. Щедрый монарх отвел им тогда землю и дал им много скота и денег. В Персеполе было главное казнохранилище персидских царей: оно простиралось до 180 тысяч талантов в одних слитках, так что победитель мог нагрузить ими 10 тысяч мулов и 5 тысяч верблюдов. Сам город был отдан на разграбление, и солдатчина бушевала в течение нескольких дней, разоряя дворцы, храмы и частные жилища. Все мужское население было изрезано, а женщины и дети проданы в рабство. Цитадель была сожжена, а вместе с нею и древний царский дворец, – по настоянию, говорят, знаменитой куртизанки Таисы, пожелавшей этим отомстить за сожжение Афин Ксерксом.

В марте месяце Александр выступил на поиски Дария. Последний находился в Экбатане, главном городе Мидии, но, узнав о приближении врага, он отослал свой багаж и гарем в Гирканию (Дагестан) и сам через Каспийские ворота убежал в Бактрию (Бухару). Александр кинулся ему вслед, но по дороге узнал, что Дарий низложен с престола сатрапом Бактрии Бессом: заковав его в золотые цепи и поместив в закрытую колесницу, последний погнал несчастного царя вперед в надежде укрыться от преследования. Александр бросился его догонять: захватив в собою лишь оружие да съестные припасы на два дня, он с отборной горстью конницы помчался к тому лагерю, где, как ему говорили, произошло низложение. Проскакав с небольшим перерывом две ночи и один день, он прибыл в этот лагерь, но никого уже не застал. Он немедленно погнался дальше и, проскакав опять целую ночь и следующий день до полудня, достиг в изнеможении деревни, где накануне находился Бесс. Опять он прибыл слишком поздно и в отчаянии не знал уже что делать, когда местные жители указали ему путь через безводную пустыню, по которому мог бы настичь беглецов. В тот же вечер он с товарищами опять пускается в путь и, отхватив за ночь около 60 верст, догнал Бесса поутру. Увидав его неожиданно перед собою, персы в ужасе разбежались, и сам вероломный сатрап, пронзив своего пленника копьем, ускакал, не пытаясь даже сопротивляться. Когда после долгих поисков Дарий был найден одним из солдат, он уже едва дышал и просил лишь испить. Солдат зачерпнул шлемом воды и подал ему, и бывший владыка Азии, сжимая ему руку, со слезами на глазах проговорил: “Я тебе ничем не могу отблагодарить за твое благодеяние, и это завершение моих несчастий. Пусть уже заплатит тебе Александр. Да вознаградят его боги за все, что он оказал моей матери, жене и детям. Передай ему мой привет”. Александр был немедленно извещен о случившемся и прибежал, но было уже поздно: Дарий

лежал бездыханный, так-таки ни разу не видав своего врага. Александр сорвал с себя мантию, прикрыл труп и приказал воздать ему царские почести.

Теперь оставалось покарать Бесса, и мандат, данный Александру на коринфском съезде, был бы выполнен; но победитель не спешил и провел следующие месяцы в покорении Гиркании, Арии (Герата) и Дрангианы (Сеистан и часть Кандагара). В главном городе этой области, Профтазии, происходит печальная драма, в которой Александр впервые фигурирует в качестве восточного деспота. Филат, сын Пармениона, был одним из наиболее приближенных к Александру людей, состоя начальником его гвардии и имея к нему доступ во всякое время дня и ночи. Выходя однажды из царских покоев, он встретил молодого офицера Цебалина, который сообщает ему, со слов своего брата Никомаха, что некий Димн, простой солдат, под хмельком признавался в существовании заговора на жизнь царя. Филат немедленно возвращается к Александру, но ничего ему не докладывает. Прождав напрасно день или два и получая на все свои запросы Филату уклончивые ответы, Цебалин заподозрил и его самого и через пажа дал обо всем знать Александру. Немедленно Димн был арестован, но успел заколоть себя и никого не выдал; Филат же объяснил свое молчание тем, что считал источник, откуда шли сведения, слишком незначительным, чтоб обращать на него внимание. Александр решил его наказать: еще в Египте до него доходили темные слухи о нелояльности Филата, а теперь измена была налицо. Тою же ночью он велел его арестовать и привести, как полагалось по обычаю македонских кланов, на суд солдат. Солдаты осудили Филата на смерть, а вместе с ним и всех, поименованных Никомахом. Говорили, что перед казнью его пытали в надежде вырвать признание, но он не выдал ни себя, ни других. До сих пор дело шло довольно сносно: хотя участие Филата в заговоре не было доказано, но он совершил преступление уже тем, что смолчал о донесении Цебалина. Но вот Александр решает устранить и Пармениона. Последний уже наверное ни в чем не был повинен, а, напротив, в качестве старого генерала, служившего честно и верно двум повелителям и, к тому еще, потерявшего на службе им двух своих сыновей, имел всякое право на доверие и сострадание; вместо этого Александр шлет в Экбатану, где тогда находился Парменион, гонца с инструкциями убить его, опасаясь мести. Гонец мчится во весь опор, прибывает в Экбатану ночью и вручает инструкции кому следует. Назавтра утром он представляется маститому генералу во время прогулки и вручает ему письмо Александра,

полное заверений в дружбе. Тот начинает читать, но в этот момент к нему подкрадываются сзади и наносят смертельный удар по черепу. Немедленно дали знать о случившемся гарнизону, и тело было предано земле, а голова отослана к Александру.

Убийство старого служаки оказало тяжелое впечатление на всю армию, и число недовольных стало так велико, что царь, опасаясь принимать крутые меры, принужден был в видах безопасности выделить их в отдельный отряд. Гвардия же была разбита на две части, и командование ими вручено лучшим царским друзьям, Гефестиону и Клиту.

Всю осень и зиму 330 года до н. э. Александр провел в покорении Гедрозии (Белуджистана), Арахозии (Афганистана) и Паропамизады. Основав в Арии, Арахозии и Паропамизаде три города его имени, нынешние Герат, Кандагар и Кабул (?), он в феврале 329 года до н.э., среди снега, льда и бесчисленных пропастей, по высотам в 13 тысяч футов перешел исполинский Гинду-Куш – предприятие, с которым может соперничать лишь Ганнибалово столетием позже. Он находился теперь в Бактрии и, подчинив ее в два месяца, перешел через Окс (Амударью) в Согдиану, где находился тогда Бесс. Птолемей был послан вперед с легкой кавалерией и быстрым маршем настиг сатрапа. Бактриец был закован в цепи и в этом унизительном виде поставлен у дороги, вдоль которой должен был проследовать Александр. Поравнявшись с ним, последний сурово спросил его, как он смел убить своего повелителя, и, получив уклончивый ответ, велел наказать его прутьями и обрезать ему нос и уши. Говорят, что Бесс подвергся мучительной казни: он был привязан за ноги к двум сдвинутым вершинам деревьев и разорван по выпрямлению их на части. Верно ли это или нет, мы не знаем; но несомненно все обращение с Бессом отзывается варварством, чуждым греческому духу.

Столь же варварски Александр поступил при взятии в следующем году небольшого города в Согдиане, населенного бранхидами. То были потомки малоазийских греков из-под Милета, которые, заведуя известным в свое время храмом Аполлона, сдали всю его сокровищницу Ксерксу. Этим они навлекли на себя ненависть всего эллинского мира и, спасаясь от преследований соплеменников, всем селением удалились в глубь Азии, где персидский монарх дал им небольшие земли в Согдиане. С течением времени они “оварварились” и теперь, при приближении греко-македонских войск, вышли им навстречу со знаками покорности. Но Александр, в желании быть больше греком, нежели греки сами, решил жестоко наказать их за измену

их предков 150 лет тому назад. Призвав солдат, вышедших из Милета, он предоставил им определить казнь, какой подлежат преступные бранхиды; но, не получив ответа, он определил ее сам. Беззащитный город был окружен войсками, и все население, мирное и не сопротивлявшееся, было вырезано до единого. Священные рощи, окружавшие селение, были вырублены, стены сравнены с землею и цветущая дотоле местность превращена в голую пустыню.

В том же 328 году до н. э. он овладел Маркандою (Самаркандом) и основал город Александрию (Ходжент) на берегах Яксарты (Сырдарьи). В первой из них происходит другая драма, жертвою которой является на этот раз Клит. Под влиянием страшного нервного переутомления Александр сделался в высшей степени раздражительным и в последнее время стал искать стимулов в вине, охотно засиживаясь с друзьями до поздней ночи. На одной из таких попоек в Марканде Александр, подогретый вином, стал вспоминать свои подвиги и удивляться своему гению и счастью; сидевшие тут же гости в один голос вторили ему, превознося его до небес и сравнивая с Гераклом. Между прочим, один из полководцев затянул шутливую песенку, сложенную про македонский отряд, отступивший в недавней схватке с варварами. Честный Клит, бывший одним из гостей, вышел из себя и резко оборвал певшего, говоря, что солдаты, потерпевшие неудачу, ничуть не хуже тех, которые проводят ночи в царских шатрах. На это Александр колко заметил, что, вероятно, Клит хлопочет за себя, обзывая трусость неудачею. Клит почувствовал себя задетым. “А все-таки, – вскричал он, потрясая рукою, – эта трусость спасла тебя, сына Зевса, от меча Спифридата”, – и тут же, изливая всю долго сдерживаемую досаду на хвастовство Александра, принялся перечислять его пороки и проступки, доказывая, чем он обязан гению своего отца и талантам своих полководцев. Александр, в свою очередь, рассвирепел: забыв, что Клит спас ему жизнь и что его сестра кормила его своим молоком, он крикнул гвардии схватить его и сам бросился было за мечом; но гвардия не тронулась с места, а меч был спрятан предусмотрительными друзьями. В ярости Александр готов был броситься на Клита и задушить его, но Пердикка, Птолемей и другие схватили его за руки в то время, как другие насильно уводили беснующегося Клита. Последнему, однако, удалось вырваться и, подскочив к царю, барахтавшемуся в руках друзей, кинуть ему двустишие Еврипида: “Так это твой обычай? Так этим путем награждает Греция своих бойцов? Ужель один человек будет требовать себе трофеи, добытые тысячами?” Александр бешено рванулся и, отбросив державших его, схватил копье у

близстоящего часового и метнул в Клита. Преступление свершилось, и несчастный царь, блуждая помутневшим взором, увидел у своих ног облитое кровью тело своего любимого друга. В ту же минуту он опомнился: среди гробовой тишины раздался его пронзительный вопль, и он тяжело упал на тело Клита, покрывая его поцелуями и зовя его по имени. Но напрасно: Клит лежал бездыханный, и Александр, вырвав копье из раны, хотел тут же пронзить и себя. К счастью, его удержали, и, шатаясь под тяжестью горя, он удалился в свою спальню и лег на кровать, продолжая рыдать и звать любимого сподвижника. Три дня пролежал он таким образом, не принимая пищи и отказываясь кого бы то ни было видеть; только на четвертый день друзьям удалось проникнуть к нему и мольбами, упреками успокоить его. Спустя десять дней Александр вышел из палатки и приказал торжественно похоронить Клита.

Всю зиму 328 года до н. э. он провел в Согдиане. При взятии одной из крепостей ему попалась вся семья местного князя Оксиарта и, между прочим, красавица дочь его Роксана. Молодой царь пленился ее красотою и, отвезши ее в Бактрию, в следующем же году пышно отпраздновал свою свадьбу с нею. 16 веков спустя, когда Марко Поло проезжал по этой местности, он во всех преданиях и песнях находил намеки на это событие: большинство тамошних князей считали себя даже отпрысками этого союза и любили давать своим детям имя Искандера (ориентализованный Александр). Так долго жило эхо свадебных пиршеств в горах Средней Азии!

К сожалению, эти пиршества омрачились трагедией, уже третьей по счету. Среди многочисленных философов и ученых, сопровождавших Александра в его походах, двое пользовались его особенною дружбою. Анаксарх и Каллисфен, племянник Аристотеля. Первый из них, наглый и льстивый, вздумал по случаю свадьбы возвести Александра, по восточному обычаю, в божество, для чего и условился с некоторыми персами и мидянами предложить, в виде пробного шара, введение церемониала падения перед царем ниц. Александра позондировали и нашли весьма благосклонно расположенным к затее. И вот на пиру, когда вино уже порядком разогрело всем головы, Анаксарх встает и произносит длинную и искусную речь, в которой восхваляет деяния царя, объявляет их превышающими все, доселе достигнутое сынами человеческими, напоминает об оракуле Зевса Аммона и рекомендует оказать ему божеские почести. Персы и мидяне разразились шумными аплодисментами, но македонские и греческие гости хранили угрюмое молчание, не смея противоречить, но и не желая одобрить. Тогда поднялся со

своего места Каллисфен и выразил от имени своего и своих друзей протест против этого нелепого предложения. Ему ответом были рукоплескания македонян и греков, но Александр молчал, тая злобу. Когда под конец вечера царь и его гости стали обмениваться лобзаниями, Каллисфен один не получил поцелуя и должен был уйти без приветствия. Философ тогда шутливо заметил, что он, в сущности, ничего не потерял, кроме поцелуя, но он ошибался: он потерял милости своего владыки и вскоре жестоко поплатился.

У него был друг и ученик Гермолай, молодой паж царя. Сопровождая однажды Александра на охоту и видя несущегося на них вепря, Гермолай бросил в животное копье и убил его. Царь рассердился: паж отнял у него добычу и за это был наказан прутьями и лишен коня. Гермолай поклялся отомстить и вместе с несколькими товарищами составил заговор с целью убить царя. Об этом, однако, узнали, и молодые заговорщики были арестованы и казнены. Перед смертью их пытали, но они никого не выдали, что не помешало Александру впутать и Каллисфена, обвиняя его в подстрекательстве. Дело ничем не было доказано, но Каллисфен был подвергнут пытке, а потом казнен, ко всеобщему негодованию старых македонян.

Пробыв два года в Согдиане и Бактрии, Александр в апреле 326 года до н. э. переходит Инд и, покорив тамошнее княжество Таксиллу, подступает к первой из рек Пенджаба – Идаспу (Джелем). По ту сторону стоял, поджидая его, знаменитый Пор, князь индийский, имевший в своем распоряжении прекрасно вооруженную армию с целым отрядом дрессированных слонов. Это был самый сильный враг, с каким когда-либо Александру приходилось иметь дело, и победа, одержанная здесь в июне, делает честь его гению больше, нежели все предыдущие. Рядом смело задуманных и столь же смело выполненных маневров ему удалось обмануть бдительного Пора и переправиться через реку с частью фаланги и конницы. Рассеяв встречный отряд в 2 тысячи человек, он искусной диверсией заставил Пора открыть всю свою первую линию для атаки фаланги, после чего ему было нетрудно опрокинуть раньше центр, а потом и оба крыла. Почти две трети индусской армии легло на поле сражения; остальные же, раненые и бежавшие, попали в плен, и в том числе сам Пор. Приведенный в цепях к победителю, он держался, однако, гордо и независимо, и на вопрос, как с ним обращаться, ответил с достоинством: “Как с царем”. Александр сразу оценил этого человека: возвратив ему все его владения, он заключил с ним дружбу и союз на вечные времена.

Дебют в Индии был, таким образом, весьма удачен, и,

торжественно отпраздновав победу, царь двинулся дальше на восток. Предварительно, однако, он приказал заложить два города: один – Никею, на восточном берегу Идаспа, в честь победы, а другой – Буцефалию, на западном, в память о любимом коне, который пал в этом месте. Назидательные историки старательно отмечают факт, что знаменитому коню было тогда тридцать лет – ровно столько, сколько его господину. Александр победоносно прошел всю местность вплоть до второй реки, Пенджаб, переправился через нее по плоту из лодок и набитых соломою шкур, столь же беспрепятственно перешел третью и, разрушив столицу тамошнего княжества Сангалу, подступил к четвертой реке, Гифазис. По ту сторону лежала большая безводная пустыня в 10 или 12 дней пути, а за нею, у желтых вод священного Гангеса, обитало племя гандоридов, самое многочисленное во всей Индии. Рассказы о чудесах и сокровищах этой неведомой страны давно уже наполняли воображение Александра обольстительными картинами, и теперь, стоя на берегу Гифазиса, он мог с волненьем грезить о том, как он проникнет в этот край, куда доселе не ступала нога европейца, и удостоверится своими глазами в справедливости слухов. Но каково было его разочарование, когда на приказание наводить мосты солдаты ответили решительным отказом! Они прошли бесчисленные страны; они видали края, не посещенные даже Геркулесом и Дионисием; они одержали множество побед и овладели несметными богатствами. Ужели им надо еще углубляться в места, про которые никто не знает, где они и что они? Не лучше ли вернуться домой и наслаждаться плодами своих многолетних трудов? Ведь многие, что с ними вышли из дому, погибли от голода, холода, болезней и меча, не вкусив никаких радостей: ужели и им, состарившимся в боях, предстоит никогда не увидеть своей родины и своих близких – отцов, матерей, жен и детей? Нет, пора возвращаться: пусть Александр отведет их назад в Македонию и тогда предпринимает, если хочет, новые экспедиции с новыми людьми. С них довольно: “умеренность в успехе – лучшая добродетель”.

Александр был вне себя от боли и негодования; но как он ни старался, как ни упрекал, молил и угрожал, солдаты оставались непреклонными. После двухдневной борьбы ему пришлось уступить: воздвигнув на берегах Гифазиса 12 колоссальных алтарей для обозначения крайнего предела своих завоеваний, он дал ряд военных празднеств и осенью 326 года до н. э. вернулся назад к Идаспу. Это было его первое поражение и притом от руки собственных солдат, – и, затаив месть, он поклялся добиться своего без их помощи.

Вместо того, чтоб пойти обратно тою же дорогою, какою пришел, он решил возвращаться южным побережьем Азии и зараз, в видах будущей экспедиции, исследовать морской путь от Инда до Евфрата: в случае годности его он думал перевести войска прямо к тому месту, где ему пришлось отступить, и возобновить завоевания с того пункта, на котором он остановился. С этой целью он выстроил флот в 2 тысячи кораблей и, поместив его под начальство Неарха, сам поплыл с ним к устью Инда в то время, как армия следовала вдоль обоих берегов. Путешествие длилось 9 месяцев, вплоть до июня 325 года до н. э., прерываясь частыми экспедициями в прилежащие местности. В одной из них он едва не погиб жертвой своей безрассудной смелости. Жители города Маллова заперлись в своей цитадели и ни за что не хотели сдаваться. Александр решился на приступ и, не дожидаясь, пока принесут все лестницы, схватил одну из них, приставил к стене и под градом стрел взобрался на стены. За ним поспешили двое из его телохранителей и солдат Абреас, и все вчетвером принялись очищать стены от неприятеля. Стоявшие внизу солдаты молили его спрыгнуть обратно им на руки; но он, крикнув, чтобы все, любящие его, последовали за ним, соскочил вместе с товарищами в самую цитадель. Вмиг масса индусов лежала убитыми и ранеными, но Абреас пал, пронзенный стрелою, и сам Александр получил тяжелую рану в грудь. Он еще продолжал драться, пока хватало сил; но истощение взяло свое, и он упал замертво. Вероятно, он тут бы и погиб, если бы в этот момент не ворвалась остальная армия и не отбила его. За это, конечно, маллы были разгромлены дотла, но и Александр чуть не умер от раны. К счастью, он выздоровел, и в тот день, когда он впервые мог выйти к армии, был свидетелем необычайного зрелища: горы и дол дрожали от рукоплесканий и криков ликующих солдат. Со слезами радости они обступали своего вождя со всех сторон, целовали ему руки, ноги, платье, закидывали цветами и всячески выражали свою безграничную преданность и любовь. Он был тронут и, щедро наградив армию, некоторое время провел в отдыхе и празднествах. Но вскоре он опять принялся за прерванное путешествие. Он доплыл с флотом до того места, где Инд разветвляется на два рукава, и, исследовав их во всем течении, велел Неарху плыть дальше по Персидскому заливу до Тигра. Сам же со своей армией он пошел сушею, дабы подробно изучить местность. Он прошел страну арабитов и оритов и углубился в пустыню Гедрозии (Белуджистанский Мекран), самую большую и страшную, какую он когда-либо проходил. По раскаленному песку, страдая от зноя, голода, жажды и жгучих ветров, он шел с армией в течение целых двух месяцев, оставляя

за собою каждый день множество трупов. Три четверти войска и скота погибли в этом ужасном марше, и только горсть, истощенная и полубезумная, достигла каким-то чудом Пура, главного города сатрапии. Говорят, что двое солдат, нашедши однажды небольшую лужу, зачерпнули из нее в свои шлемы и принесли Александру испить; но он отказался от такого подарка и, вылив воду на песок, сказал, что предпочитает терпеть жажду наравне с остальными. Это поддержало бодрость солдат и успокоило их строптивость.

Следующую сатрапию Карманию – последнюю, не доходя Персиды – он, на память о том, что ее некогда проходил бог Дионисий на пути из Индии, приказал проехать вакхическим цугом среди вина, веселья и общего разгула, и сам, увенчанный хмелем и с тирсом в руке, ездил впереди войска. На границе он отрядил Гефестиона с частью армии проследовать в Персиду вдоль морского берега, а сам с остальною направился туда кратчайшим путем через горы. Он прибыл в Персеполь в конце января 324 года до н. э., а через несколько месяцев торжественно вступил в Сузу, после шестилетнего отсутствия на востоке.

Александр завершил предприятие, ради которого он оставил Европу в 334 году до н. э. Высадившись на берег Геллеспонта с горстью людей и ничтожной казною, он в десять лет покорил весь известный тогда мир и теперь, воссев на древний престол “великих царей”, мог смело утверждать, что то, что он совершил, не удалось совершить ни одному человеческому существу до него. Кругом, на необъятном пространстве, не было племени или страны, которые не были бы ему подвластны, и, оставшись свободным от походов – впервые с тех пор, как он стал сознавать себя мужем, – он мог заняться работою по консолидации своих колоссальных владений. А эта задача была не из легких: властелин четырех миров – эллинского, египетского, семитического и собственно персидского, ему предстояло слить все эти разнородные элементы в одно единое целое, проникнутое и связанное общей культурой и общей духовной жизнью. Без этого его монархия представляла бы неустойчивое, лишь внешним образом сколоченное строение, осужденное на участь, подобную той, какая постигла монархию Дария. Александр видел эту задачу создания новой нации с редкою отчетливостью, но, принявшись за разрушение ее, страшно обчелся в методе и средствах. Вместо того, чтоб производить амальгаму, приняв за базис высшую культуру, вместо того, чтоб положить в ее основу эллинизм и стараться поднять низшие народы на тот уровень, на котором стояли греки в их общественной и духовной жизни, он, отчасти из желания примирить с собою персов, а больше всего в

силу развившихся в нем симпатий к ориентализму, сделал базисом слияния персидскую культуру, стараясь подогнать под нее все остальные. Он первый дал пример “нового курса”, устроив в Сузе пышный двор с азиатским этикетом и церемониалом. Он снял с себя простую одежду греков, равную для царя и последнего водоноса, и облачился в пышное одеяние персидских царей, обшитое пурпуром и драгоценными камнями. Для высшего самоотождествления с сынами Солнца он даже решил завести многоженство, столь несвойственное греческому миру, и к своей первой жене Роксане прибавил двух других, дочерей Дария и Артаксеркса III. Он стал требовать того же и от своих подданных и, для поощрения междубрачия, щедро одарил 80 своих полководцев, женившихся на знатных персиянках. Он из своих частных средств дал приданое 10 тысячам персидских девушек, вышедших замуж за македонян, и мужьям их дал отличные места по администрации и военному ведомству. Наконец, в июне 324 года до н. э. он послал в Грецию приказ причислить его к сонму небожителей и чествовать его, как Бога, алтарями и жертвоприношениями.

Но эти реформы сопровождались другими, еще более важными, в другом направлении. Состоя первоначально из 35 тысяч человек, главным образом македонян и греков, армия Александра с течением времени возросла до 130 тысяч, набранных из разных местностей Азии. Как это всегда делалось в древности, представители каждой народности в их национальном костюме и вооружении составляли отдельные корпуса, занимавшие и в боевом строю и в лагерях особые места и игравшие второстепенную роль вспомогательных отрядов. Ядром же армии – войском par excellence[1] – продолжали быть македоняне и греки, которые, скорее в качестве сподвижников царя, нежели его подданных, ревниво оберегали свое положение и привилегии от посягательства на них азиатов. Но вот уже после Гавгамельской битвы Александр стал замечать некоторую перемену в отношениях к нему солдат и полководцев: проникнутые чувством равенства и независимости, они стали обнаруживать явные признаки нежелания следовать за ним в его завоевательных стремлениях, а при Гифазисе даже заставили его остановиться. Александр увидел, что с таким материалом ему не удастся довершить то, что он так блистательно начал: ему нужны для этого безличные рабы, которые были бы привязаны к его особе и не знали бы ничего на свете, кроме его воли. Оттого в бытность еще в Индии он разослал в отдаленные провинции приказы набрать для его лейб-гвардии 30 тысяч знатнейших юношей и обучить их македонской тактике; а теперь в Сузе он

принялся раздавать высшие военные посты персидским офицерам и заполнять ряды выходцами из Азии. Раньше конница, а затем и фаланга наполнилась персами и мидянами, и все прежние барьеры рухнули, низведши греко-македонян на степень простых, ничем от других не отличающихся солдат.

Это вызвало страшное озлобление среди старых сотоварищей Александра, и в июле 324 года до н. э. в городке Описе вспыхнул сильный мятеж. Поводом стало прибытие вышеупомянутых 30 тысяч юношей, многозначительно названных Александром эпигонами – преемниками, и его решение отослать домой часть македонян, не способных уже дальше нести службу. Лишь только солдаты об этом узнали, как они подняли в один голос протест и, схватив оружие, потребовали, чтоб царь либо изменил решение, либо рассчитал их всех. Они честно и верно служили ему 10 лет, они проливали за него свою кровь и покорили для него весь мир – и теперь он думает бросить их, как ненужное тряпье, и заменить их варварами? Александр был взбешен: соскочив с возвышения, с которого говорил, он бросился в возбужденную толпу солдат и, схватив 13 из них, приказал казнить их тут же как зачинщиков. Толпа присмирела, и Александр, вернувшись к своему месту, произнес речь, гневную и страстную, полную упреков и сдержанной скорби. Он перечислил все, чем они обязаны Филиппу и ему самому, и, крикнув им: “Уходите!”, повернулся и ушел к себе.

По лагерю распространилось уныние: вздыхая и плача, солдаты терпели два дня, но на третий покорились и пошли просить прощения. Подступив к его дому, они побросали оружие и со стонами и слезами стали молить о пощаде. Александр смягчился и, выйдя к ним из покоев, сам заплакал и обещал забыть их вину.

Месть за Гифазис была полная, и 10 тысяч старых ветеранов были отобраны и отосланы с щедрыми дарами в Македонию. Сомнительно, однако, чтоб они успели вернуться домой при жизни Александра, так как через 10 месяцев его уже не стало.

Он был занят в это время проектом одновременного нашествия на Аравию и с суши, и с моря и с этой целью приказал финикианам построить большой флот, а сам удалился в Экбатану для приготовления обозов и военных материалов. Здесь во время празднеств он лишается друга детства Гефестиона, заболевшего несколько дней тому назад лихорадкою. Случилось это так неожиданно, что Александр получил эту весть в театре: он поспешно поднялся и побежал, но не застал уже друга в живых. С криком упал он у постели покойного и долго рыдал, не будучи в силах оторвать взоров от любимого лица. Его едва могли

уговорить отойти, но еще целых два дня он отказывался от пищи и не хотел никого видеть. Он обрил себе, по восточному обычаю, голову, приостановил празднества, казнил врача, лечившего Гефестиона, и велел ассигновать 10 тысяч талантов на сооружение погребального костра. Он послал гонца просить у оракула Аммона позволения воздать умершему почести полубога и поручил Пердикке во главе торжественного кортежа отвезти тело в Вавилон. Сам же со всем двором и армией он оставался в Экбатане до конца зимы, стараясь заглушить сердечные муки в попойках и военных экспедициях. Наконец, весною 323 года до н. э. он медленно двинулся в Вавилон. По дороге ему представлялись посольства из близких и дальних сторон, пришедшие засвидетельствовать свою покорность и удивление. То были пришельцы из Ливии, Карфагена, Сицилии, Сардинии, Иллирии, Фракии, Эфиопии, Скифии, Галлии и даже, говорят, из Рима. Все они пришли с богатыми дарами, а греки, увенчанные цветами и в белой одежде, поднесли ему золотой венок, как божеству.

Александр вступил в Вавилон, несмотря на предостережение халдейских магов, видевших дурные предзнаменования. Он застал там уже готовый флот и, дав ему приказ отплыть в Аравию, решил остаться до окончания похорон Гефестиона с тем, чтобы потом самому выступить в поход. Но судьба решила иначе: не успели умолкнуть отголоски торжественных празднеств, не успел еще истлеть с золою Гефестиона гигантский, пропитанный драгоценными благоуханиями костер, как Александр схватил простуду и, слегши в постель, через 5 дней скончался. Он долго не верил в свою близкую кончину, стараясь выполнять свои обычные обязанности и отдавая последние перед выступлением приказы своим полководцам; но на четвертый день он понял, что все кончено и что о походах ему уже больше не мечтать. Тихо, со слезами на глазах простился он с солдатами, дефилировавшими с плачем мимо его кровати, и, передав перстень Пердикке, смежил глаза навеки. Он прожил 32 года и 2 месяца и процарствовал 12 лет и 2 месяца, оставив престол, как он сам заявил, достойнейшему.

Тому, кто не находил себе места при жизни, не суждено было долго найти себе место и после смерти. В поднявшейся вокруг его одра свалке из-за наследства о нем совершенно было забыли; наконец, Аридий, его сводный брат, вспомнил о неуплаченном еще последнем долге и решил отправить тело к Зевсу Аммону в великолепной, неслыханной по своей роскоши колеснице. Эта последняя, однако, простояла в Вавилоне целых два года, пока Пердикка, направляясь в Египет против Птолемея, не взял ее с

собою. Как известно, Пердикка был разбит и погиб, и Птолемей отвез останки своего бывшего властелина и друга в Мемфис, а оттуда, через некоторое время, в Александрию. В этом городе, создании рук Александра, они, наконец, нашли покой: заключенные в могучий медный гроб, они оставались там вплоть до III века по Р. Х., после чего исчезает даже след их.

Но не исчез вместе с ними самый образ Александра. С необычайною силою запечатлевшись в памяти людей, он долго еще продолжал жить в воображении изумленного человечества как центр бесчисленных анекдотов и сказаний, умножавшихся и разраставшихся вплоть до поздних веков нашей истории. Ни одна личность древнего или нового времени не сверкнула таким ярким метеором, как Александр, и уж, наверное, ни одна не сделалась таким любимым героем во всемирной литературе, как он. Мы имеем легенды о нем, в сущности, на всех языках Востока и Запада, но за колыбель их мы должны признать Египет. Там, в неизвестную нам эпоху, – во всяком случае, весьма раннюю, – появился роман на тему о приключениях Александра, который приписывался Каллисфену, столь безвременно погибшему в пустынях Азии. Обработанный Юлием Валерием в IV веке и архипресвитером Львом в X веке, этот роман был внесен во французскую литературу Альбериком Безансонским в середине XII века и вскоре затем в немецкую – Лампрехтом. Наилучшая, однако, редакция была сделана в конце того же XII века Ламбертом Турским и Александром де Бернуа: написанная 12-стопными стихами, навсегда получившая название “александрийских”, она по тонкости вымысла и силе выражений осталась образчиком для всевозможных вариантов и переводов, которыми наполнился народный эпос европейских стран. Роман Александра проник в Англию, Швецию, Испанию, Италию, Сербию, Болгарию, Богемию, Польшу, а через Византию и в Россию, где в 1861 году Общество любителей древней письменности издало под заглавием “Александрия” факсимиле древней рукописи из библиотеки князя П. И. Вяземского. Одновременно же роман распространился и на восток в версиях персидской, арабской, еврейской, сирийской, эфиопской, коптской, малайской, сиамской и др. Первая из них, из-под пера великого Фирдоуси, внесшего деяния Искандера в свою знаменитую поэму “Шахнаме”, является, без сомнения, наиболее художественною, а вторая, написанная Масуди, замечательна тем, что в ней Александр отождествляется с Зуль Гарнаином (или Дулкарнаимом), который фигурирует в Коране в качестве пророка, построившего железную стену между Гогом и Магогом.

Передавать содержание этого романа нам невозможно:

отсылая читателя к классическому сочинению П. Мейера, мы можем лишь упомянуть, что по египетской версии Александр является сыном не Филиппа, а египетского царя Некталеба, который, будучи низвержен с престола, проник в Македонию под видом астролога и влюбил в себя Олимпиаду. Александр, плод этого союза, берет не только Фивы, но и Афины и Рим, после чего странствует по миру, подвергаясь всевозможным приключениям: огромные муравьи нападают на его войско, он встречает шестируких и шестиногих людей, видит рыб со светящимся камнем в желудке и т. д. Он умирает от отравы, и перед смертью является верный Буцефал, оплакивает его и убивает раба, поднесшего яд.

Все это не имело бы прямого отношения к нашему очерку, если бы эти легенды не служили разительным доказательством впечатления, которое личность и карьера Александра оказали на умы человечества. Красавец с влажно-светящимся взором и лицом, озаренным страстью и вдохновением, он магнетизировал своим неукротимым пылом, своей огромной душою, неисчерпаемою, подобно морю, в своих движениях, своей вечной порывистостью, одинаково направленною на добро и зло, любовь и ненависть, нежность и месть. Его сердце, страшное в бою и безжалостное в наказании, было до болезненности чутко: оно способно было на редкое великодушие и беспощадное самобичевание, которые, казалось, искупали его преступления и мирили с ним людей. Вся его натура была проникнута и горела неудержимым огнем: она то жгла, то согревала, то уничтожала, то оживляла. И его умственные силы были совершенно под стать душевным: его мозг, словно поле под интенсивною культурою, никогда не переставал работать, и его воображение, необъятное в своей шири и энергии, никогда не переставало выбрасывать идеи, одна другой грандиознее и ярче. Вместе с тем он обладал замечательным практическим чутьем, и как бы он ни уносился своими проектами ввысь, как бы он, пораженный бесподобною красотою их узоров, ни подпадал под их влияние, он никогда не терял чувства меры и никогда не отрывался от земной действительности. Оттого все его концепции, несмотря на их смелый размах, неизменно оставались осуществимыми: подобно высокой радуге, они обоими концами упирались в землю, касаясь и в отправной и конечной точке твердой почвы. Прибавим к этому необычайный организаторский и комбинирующий талант, соединенные с не знающей препятствий решимостью при выполнении, и мы получим портрет человека, каких история насчитывает немного. Естественно возникает вопрос, на что пошли все эти громадные силы, и ответ может быть лишь один:

подобно другим своим гениальным собратьям по мечу, Александр в общей сумме сил, управляющих поступательным движением человечества, был крупною отрицательной величиною. Вся его деятельность была лишь одним сплошным разгромом городов, опустошением полей, избиением человеческих существ и разрушением вековых цивилизаций. Его победоносное шествие декорировалось потоками крови, рабством, голодом и морями слез, и его триумфальные празднества оглашались воплями, стонами и проклятиями миллионов жертв. По целой части света распространились мрак и ужас, и приближение человечества к своему конечному счастью было отодвинуто на много десятков лет. Тем не менее завоевательной карьере Александра мы обязаны одним весьма крупным положительным результатом: она сблизила дотоле незнакомые друг с другом Восток и Запад и подвела первый под круг влияния второго. Плодом этого сближения было то своеобразное миросозерцание, которое известно в истории под именем эллинизма: получив распространение в поаристотелевский период, оно под конец языческой эры покорило римский мир и нашло себе выражение в целом ряде философских и религиозных систем, оказав могучее влияние даже на христианство. Сами апостол Павел и евангелист Иоанн испили из этого источника, и через них эллинизм напечатлелся на всю позднейшую европейскую мысль. Ставить все это в заслугу македонскому завоевателю, как некоторые историки делают, было бы ничем не оправдываемою смелостью: исторический опыт научил нас, что культурные миссии менее всего по плечу военным гениям, а жизнь Александра не дает нам никакого права думать, чтоб он был исключением. Мы должны скорее смотреть на него как на одно из самых неуклюжих орудий, которыми когда-либо пользовался исторический процесс для достижения своих целей: сделать его большим значило бы приписать его сознательной воле то, что случилось вопреки ее.

Источники

1. *Плутарх.* Vitae. Alexander. – Paris, 1846. Ed. Didot. Rec. Th. Doehner.

2. Arriani de Expeditione Alexandri. – Paris, 1846. Ed. Didot. Rec. C. Muller.

3. *Quintus Curtius Rufus.* – De rebus gestis Alexandri Magni. – Лейпциг, 1862, Ed. Teubner. Rec. K. Foss.

4. *Justinus.* Historiae Philippicae, кн. 11 – 12. – Лейпциг, 1830. Rec. C. Benecke.

5. *G. Grote.* A History of Greece. – Лондон, 1872, гл. 91 – 95.

6. *A. Holm.* Griechische Geschichte. – Berlin, 1891, Т. 3, гл. 20 – 28.

7. *J.G. Droysen.* Geschichte des Hellenismus. – Gotha, 1877, ч. 1.

8. *R. Geier.* Ueber Erziehung und Unterricht Alexanders des Grossen. – Halle, 1848.

9. *L.Joubert.* Alexandre le Grand. – Paris, 1889.

10. *P.Meyer.* Alexandre le Grand dans la litterature francaise de moyen-age, в 2-х т. – Paris, 1886.

notes

Примечания

по преимуществу, как таковым *(фр.)*